

Чтобы делать точные прогнозы,  
надо уметь накладывать социальную карту  
на географическую



***А.В. Шубин, доктор  
исторических наук***

Удивительно, но в нашем сегодняшнем обсуждении лишним является слово «геоэкономика». Вообще-то, я как историк с большим подозрением отношусь к распространению разных терминологических «лишних сущностей», методологических излишеств, которые забивают сам эмпирический материал. Но в принципе слово «геоэкономика» может применяться для узкоконкретной сферы анализа географических факторов экономических процессов. Однако наш уважаемый докладчик А.И. Неклесса взял курс в иные сферы, оторвавшись от привязки к конкретному «гео».

Речь идет о современном мироустройстве. Давайте это и будем обсуждать. Выделенные в докладе «Север», «Юг», «Запад», «Восток» — понятия не географические, а социальные. Они не сосредоточены в одном месте, а размазаны по всему глобализированному миру. Например, Тихоокеанский регион индустриальным в целом не является, он разный. Каждая страна в этом регионе может раскладываться по некоей матрице. Понимание этой социальной, а не географической системы координат даст нам ключ к описанию современного мира.

За основу анализа можно принять уже неплохо проработанную триаду традиционного, индустриального и гипотетического постиндустриального общества. Последнее пока не возникло как данность, существует в элементах, и потому его характер наиболее дискуссионен. Я постиндустриальное общество предпочитаю называть моделирующим.

Явления, о которых шла речь в докладе (корпорации, государства, проекты), принципиально различаются в каждой эпохе. В традиционном обществе эта триада выглядит так: община (цех), клан (можно сказать — мафия), религия. Индустриальное общество базируется на другой триаде: корпорация, национальное государство, идеология. Моделирующее общество — уже на этапе перехода к нему — демонстрирует свою триаду: сеть и креативный полис (альтернативное поселение, община-наукоград), надгосударственный союз, виртуальные субкультуры.

Конечно, раскладывая реальность по полочкам таким образом, мы тоже «нарываемся» на обвинение в схематизации. Но сама по себе схематизация никакой угрозы не несет, это карта. Если мы показываем север и юг на географической карте, мы не «схематизируем» корабль, который плывет определенным курсом в океане, но тем самым много сообщаем о нем. Карта необходима социальному знанию, иначе знание распадется в постмодернистской несвязанности.

Современное мироустройство — если смотреть на него через призму и социальной, и географической карты — интересно перемешанностью элементов трех состояний, о которых я говорил выше. Традиционное, индустриальное и моделирующее общество в каждой из стран представлено не целостными картинками, а пазлами, которые разобраны и перемешаны. В каждом регионе, даже в каждом районе и городе — своя смесь, но элементы смешиваемого однотипны. Их пытаются сложить, а они не складываются, потому что, в силу своей разнокачественности, очень плохо друг к другу подходят (так происходило и при переходе от традиционно-го к индустриальному обществу).

Нельзя нарисовать «геоэкономическую карту» большого масштаба и на ней выделить, например, территорию индустриального уклада. Потому что в глобализованном мире его элементы присутствуют почти везде, причем на тех же территориях, где и другие уклады. Можно говорить лишь о

соотношении элементов на данной территории. От ситуации середины XX в. современный мир отличается тем, что элементы входят не в местную национальную или географически ограниченную, а в глобальную систему. На одной улице находятся — ремесленная мастерская традиционного типа (кстати, нередко — продукт разложения индустриальных отношений, отмирающих в среднеразвитых странах); интернет-кафе; супермаркет, имплантированный сюда из-за океана; офис банка, управляемого из-за другого океана; завод, который производит деталь для продукции, собираемой в другой стране, и магазин, который продает запчасти к иномарке. Вот такая «геоэкономика» одной улицы.

В ситуации, когда возникла мировая фабрика, можно условно выделить регионы — поставщики сырья, регионы — сборочные цеха и регионы — офисы. Но такое разделение очень грубо и условно, потому что в большинстве из них есть элементы всех трех составляющих. Где находится Россия в этой мировой фабрике? Да нигде — она размазана по цехам и перемешана с Бразилией, эмиратами и Малайзией. В ней расположены различные подразделения мировой фабрики. Может, люди в Кремле думают, что они управляют национальным государством, но в действительности они оказывают влияние на различные, слабо связанные друг с другом подсистемы глобальной фабрики, структурно соединенные за пределами границ РФ. Таков мир глобализации.

Не понимая этого, наши «властители» принимают доктрину «Россия 2020», которая нужна только для того, чтобы отчитаться за выделенные на нее бюджетные средства и отправить в корзину для бумаг.

Чтобы делать точные прогнозы, необходимо уметь накладывать социальную карту (о которой, прежде всего, и говорил А.И. Неклесса) на географическую карту с максимальным приближением. Я объяснил, почему эта задача так трудна. Однако кое-что, понимая степень «огрубления» анализа, можно сделать.

У нас есть достаточно адекватное понимание «статики» эпохи глобализации 1990–2000-х гг. Когда я говорю «у нас», то имею в виду не только интеллектуальное сообщество, к которому принадлежу, но и всех, кто заранее, за несколько лет прогнозировал нынешний кризис.

Теперь интересно посмотреть, как каждый элемент будет меняться в ходе нынешнего кризиса. Если тогда события текли в понятном направлении, к предсказанному результату, то сейчас возникает некоторая точка развилки, что всегда интересно для историка. Под действием кризиса обострится столкновение элементов «пазлов», возникнет интересная борьба сил, которую мы можем рисовать и на социальной, и на географической картах.

В самом начале процесса можно гипотетически предположить полураспад глобальной фабрики и усиление автаркичности национальных фабрик (а, следовательно, укрепление национальной государственности там, где сохранится национальная промышленность), обострение конкуренции виртуально-финансовых глобальных штабов (а, следовательно, «внезапные» политические дестабилизации), революционные взрывы в «сборочных цехах», смуты в районах источников сырья, консолидацию нынешних «зон хаоса», поскольку они поддерживались силовым полем глобализации.

Главная интрига этой перестройки: возникнут ли в результате «мировой революции» начала XXI в. очаги принципиально новых общественных отношений, которые можно будет с полным основанием назвать пост-индустриальными, и вообще пост- а не до-? Возникнет ли противовес формирующейся системе глобального манипулирования сознанием в виде влиятельных альтернативных идейно-субкультурных проектов? Продолжится ли движение мира к новым горизонтам или оно сорвется в регресс, в феодализацию и этнические чистки как средство выжить во время тотальной нехватки ресурсов? Сегодня это — предмет актуального анализа.